

РАВНОДЕНСТВИЕ

Михаилу Болгову

Крест-накрест: по небу, по снегу,
по белому свету — два взгляда:
из Альфы — вонзаясь в Омегу,
и в Рай — перекрестно — из Ада...
Два взгляда, две молнии, двое
поверженных ангелов: Света
и Тьмы, презирая живое
и мертвое, словно бы это
и вправду не больше, чем глина,
размятая в старческих пальцах;
две молнии, два властелина
в оковах; два вечных скитальца
по белому свету: от края —
мгновенно — до края, от берега —
пустого — к пустому... ни *рая*
не видя, ни *пункта омега*.
Два Ангела: темный и светлый,
продольный и поперечный...

Смеркается. Старые ветлы
в тиши над заснеженной речкой
прислушиваются, как хлада
слабеет звено в дрожи венка,
и к запаху дыма и стада
примешивается оттенок
едва уловимый — движенья:
снегов — в толщу почвы, волною —
воды подо льдом, в напряженьи
темнеющем над глубиною...

Смеркается. Топятся печки
и звякают ведра. Без злости
собак перебрех. Тишь — на речке,
на улице и на погосте...
Затепилась свечка в оконце
в домишке, что на повороте...

И низко над крышею — Солнце
с такой же Луною напротив.

ВЕЛИКОПОСТНОЕ

...не зима, не весна. Не беда — не победа.
Тает в сумерках след золотой полосы.
До дежурного ужина после обеда,
как старушки на службу, плетутся часы...

По земным колеям, нынче вусмерть раскисшим,
тяжеленько добраться до благостных мест.
Лишь воронам вольготно под небом нависшим:
— Где ж еще перекаркать его благовест!..

...где ж еще, как не в этом вселенском расколе
на церковнославянский мы переведем:
— «Шевелись, лихоманка!..» — «Петрович, доколе?..»
«Ахти ж, матушка...» — «Ино ишшо побредем...»

* * *

Памяти Игоря С.

Мне по-прежнему странно про это
даже думать... Какая уж тут
отрешенность предзимнего света
над погостом, где сосны растут?
Где ж тут быть золотому смиренью
предзакатных морозных небес,
если воздух все пахнет сиренью,
и дымками весенними — лес...
Если наша вчерашняя юность
вся у глаз: все смотри и смотри —
разве ж это студеная лунность?..
Это — теплая млечность внутри...

ПРЕДЗИМЬЕ

От неба скрыты облаками,
Пока — до времени — внутри:
В тумане, в паутине, в ткани
Сердца и скудные лари.

Чуть теплящиеся в коптилках
Глазенки жмутся по углам.
Раскрыт погост, и на могилках
Снежок с грязью пополам.

И лишь в утробе дрожь вращенья
Земли, лежащейся под длань...
Отец готовит для Крещенья
Рождественскую иордань.

Небесную протопит *пролубь*
И студень звезд в нее зальет
Неотвратимый, словно голубь,
За облаками самолет.

ТИХИЙ ОМУТ

Когда примиряется и замирает
ушедшая за полдень длинная нота,
беззвучно тростинка без ветра играет
и дышит теплом и осокой болото.
Круги полусонные и беспричинные
на глади стеклянной зеленого плеса...
И мы, в отражениях неразличимые...
И небо глубинно. И солнце белесо.

* * *

*...ты знал, что я жну, где не сеял,
и собираю, где не рассыпал...*

Мф. 25:26

Нынче с ночи моросило.
Попутру заря не рдела...
Мудрено ль, что не по силам
за любое взяться дело?..

Целый день туман промозглый —
хоть намек на прекращенье!..
Шевелить продрогшим мозгом
не хочу до отвращенья.

Видно, так в полях раскисших
разлагается пехота:
до небес, к земле провисших —
хоть ползком... Кому ж охота?..

Я ворчу на ту погоду,
на марток неторопливый.
Да кружу по огороду —
раб лукавый и ленивый...

* * *

...и весь в черемухе овраг...

Вл. Набоков

Бугор, заросший полынью.
Овраг, заросший сиренью...
И чем — как не теплыню
учить души смиренью?

Чем, как не косыми лучами,
учить снова и снова
тому холодку за плечами —
до полного озноба...

* * *

Затуманилась, как всегда,
даль весенняя...
Слились небо, земля, вода:
нет спасения —
тонет в омуте цепкий взгляд,
в мутной ватности,
весь — во всей, на какой-то ляд,
всеохватности!..
...Режет, колется и рябит —
как пред битвою...
Будто снова и я убит
ржавой бритвою —
то ли соль мои очи пьет,
то ли влага ест,
то ли птицей в зрачках плывет
дальний благовест.

* * *

Замолчал сверчок внутри —
Словно умер как...
Сиротливы пустыри
В ранних сумерках.

Ветер в гнездах шевелит
Пух да перышко —
Колченогий инвалид,
Экс-саперушка...

То в листе навеселе
Дурью мается,

А потом в сырой золе
Ковыряется,

Но взглянуть на образа —
Не осмелится,
Потому как ест глаза,
Дымом стелется

Пустырями октября
Грусть дочерняя,
Страх сыновий — да заря
Невечерняя...